

ПИСЬМА ОТ МОИХ СЫНОВЕЙ

ВТОРЫЕ письма в адрес Государственного Малого театра и на Пушкинскую ул., 4, поступило множество писем на имя народной артистки А. А. Яблочкиной. Это были письма с фронта солдат и офицеров.

Среди этих писем, ныне хранящиеся в Государственном архиве литературы и искусства и уже рассортированные по «своим местам», были самой большой горостью Александры Александровны. «Письма от моих сыновей», — говорила она, и трогательно передавала историю этих писем.

Когда Яблочкина вместе с театралами была эвакуирована в Челябинск, к ней однажды пришел редактор местной газеты и сообщил, что члены семьи готовят подарки для воинов Северо-Западного фронта.

Он спросил, не изыгивают ли она

согласие послать подарки, адресованные им солдатам. Александра Александровна, разумеется, тотчас же от脱颖而出. Она написала письмо, которое занималось по матерински тепло: «От всего сердца я буду неустанно желать тебе, дорогой сынок, и всем национальным жизням, славы, немецкой счастья и победы. Если у тебя нет матери, дай мне обнять тебя за ее».

Это письмо было напечатано во фронтовой газете, другие газеты перепечатали — и таким образом заглавилась живая переписка множества фронтовиков со знаменитой актрисой. Каждое письмо волновало ее и как бы заставляло вместе с ними ощущать что такое фронт, вместе с ними верить в победу, вместе с ними беспредельно ненавидеть фашистских захватчиков.

Эти письма стали занимать огромное место в ее жизни. Она считала их фактом естественным, обыденным для себя. Ни одно письмо не оставляло без ответа — будь то застудительное поклонение или простая фронтовая просьба. А если узнавала, что кто-нибудь из ее «сыновей» был ранен, то не успокаивалась до тех пор пока не узнавала о его выздоровлении. И не удивительно, что бойцы ей писали, словно родной матери.

Ее письма воспитывали солдат отвагу и мужество. Многие были получены фронтовиками перед боем. «Я сидел в танке и ждал призыва», — пишет он один боец, — «и сразу принесли мое письмо. Оно подняло дух, я испытал увеличливость».

Война сорвала и перегородила многие жизненные планы. Вот молодой москвич Алексей Гусев. Его мечтой было поступить в Центральную театральную училище и стать актером. Но вместо этого жизнь ставит его перед лицом огромных, невиданных событий. Война! О своих надеждах возвратиться после войны на сцене он делится с большой актрисой.

Николай Ерофеев из Слесары всегда любил искусство, хорошо пел, играл, учился в театральном техникуме. У него была дорога его сердцу семья, но за время войны он потерял всех — отца, мать, трех братьев, сестру. Единственный, что еще оставалось для него, — любовь к искусству. Но в нем растет тревога, что это уже не для него. Лейтенант Михаил Коэль с ранних лет мечтал посвятить себя театру, который очень любил, ему всего 19 лет, он еще многое ждал.

Но отдавая должное ратной доблести защитников Родины в прошлом, мы вправе утверждать, что подвиг советского человека — это нечто качественно иное, более высокое произведение патриотических чувств. Качественно иное — потому что иными стали после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года Родина, и ее вооруженные защитники. Со знанием того, что защищаешь свое свободное Отечество, где полны ходяжиной является народ, — это нечто качественно иное, более высокое произведение патриотических чувств. Качественно иное — потому что иными стали после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года Родина, и ее вооруженные защитники. Со знанием того, что защищаешь свое свободное Отечество, где полны ходяжиной является народ, — это нечто качественно иное, более высокое произведение патриотических чувств.

Мы хорошо сделали, что написали «любому бойцу или командиру». Тут же герой — от генерала до повара. Нам нужно как воздух ваша ласка. Просто и тепло «любому» и чертежки хорошо! Всех вы обняли или мати.

Вы сейчас работаете в Челябинске. И я хочу, чтобы вы знали, как боятся на полях сражения челябинцы... Мы штурмом брали укрепленный пункт немцев Л... Мы шли сквозь пулеметы мимо, сквозь бешеных школ сапиши, ломая оброну противника, штыком и гранатой выковыривая винтовки фригии из их нор. Дзот за дзотом, орудиями взлетали в воздух, мы шли вперед, упираясь спиной в землю.

И вот уже победа близка... Но все еще синевой дождем заливает нас последний дождь немцев. Атака... Атака... Даэт продолжает загораживать дорогу на Запад. Товарищи падают один за другим. И вот — видите все! — поднялся Сосновский, веселый-человек. Коля Сосновский, что так любил театр и футбол, и бросился тягом и дзоту, назавис на ствол пушечки, трубы закрыл смертельный дымом. Мы взвыли!

Лейтенант Александровна поддерживала в них всех веру в победу, говорила о том, что нечестиво нечестиво будут.

Он ждет от вас ответа: почувствуете ли ему осуществить свою мечту и стать актером?

И Александра Александровна поддерживала в них всех веру в победу, говорила о том, что нечестиво нечестиво будут.

Бы — артист. Ваш благородный труд умыл людей любить и ненавидеть, учил бороться и побеждать. Мне, рабочему парню, понятно, что значит искусство для народа. Это душа народа. Фригии хотят заполнить нашу душу, наше искусство, наплевать на величайшие творения русских людей, картины... Нет, не быть этому никогда!

В 1950 году А. А. Яблочкина была избрана делегатом на Вторую всесоюзную конференцию сторонников мира. Речь ее на конференции по докладу Н. С. Тихонова была гневным обличением поджигателей войн. С высокой трибуны она напомнила о тех чудовищах и бесчеловечных адолентиках, которые совершили фашизм. Стой на трибуне, она вспомнила слова другого — генералы К. С. Станиславского, что «театр должен быть одним из главных орудий борьбы с войной и международным средством поддержания всеобщего мира на Земле», и, как подлинный художник, она вместе со всем народом сказала войне проклятие: «Нет, не быть этому никогда!»

Изображение на странице 14.11.41 г. Едиль в ведомости.

Город сиротский, «покупец», стал сиротским. Есть разрушения. Впереди в жизни уходит плакат — ДК имени Ленина требует художников! (1).

Встреча покойника — ведет ее на катакомбе, а на скамье, руках.

Частные воздушные тревоги. В академии студенты художники и прозаики дрожат от страха. Н. Ф. тоже дрожит. Но держится все молодцом.

Ленинград — кели, шарф на шее, пальто, бритый широкий подбородок, серые глаза.

Министерство в новых зеленых касках-тарелках от оскалков. В окнах зданий — ставни, в дверях, много забытых окон. Колхозовские комитеты Аничкова моста сняты и увезены трактором. Одну не успели — стоит на улице в Дворце пионеров.

Директор академии дал рекомендацию читателям.

СВЕРДЛОВСК.

14.11.41 г. Едиль в ведомости.

Город сиротский, «покупец», стал сиротским. Есть разрушения. Впереди в жизни уходит плакат — ДК имени Ленина требует художников! (1).

Встреча покойника — ведет ее на катакомбе, а на скамье, руках.

Частные воздушные тревоги. В академии студенты художники и прозаики дрожат от страха. Н. Ф. тоже дрожит. Но держится все молодцом.

Ленинград — кели, шарф на шее, пальто, бритый широкий подбородок, серые глаза.

Министерство в новых зеленых касках-тарелках от оскалков. В окнах зданий — ставни, в дверях, много забытых окон. Колхозовские комитеты Аничкова моста сняты и увезены трактором. Одну не успели — стоит на улице в Дворце пионеров.

Директор академии дал рекомендацию читателям.

СВЕРДЛОВСК.

14.11.41 г. Едиль в ведомости.

Город сиротский, «покупец», стал сиротским. Есть разрушения. Впереди в жизни уходит плакат — ДК имени Ленина требует художников! (1).

Встреча покойника — ведет ее на катакомбе, а на скамье, руках.

Частные воздушные тревоги. В академии студенты художники и прозаики дрожат от страха. Н. Ф. тоже дрожит. Но держится все молодцом.

Ленинград — кели, шарф на шее, пальто, бритый широкий подбородок, серые глаза.

Министерство в новых зеленых касках-тарелках от оскалков. В окнах зданий — ставни, в дверях, много забытых окон. Колхозовские комитеты Аничкова моста сняты и увезены трактором. Одну не успели — стоит на улице в Дворце пионеров.

Директор академии дал рекомендацию читателям.

СВЕРДЛОВСК.

14.11.41 г. Едиль в ведомости.

Город сиротский, «покупец», стал сиротским. Есть разрушения. Впереди в жизни уходит плакат — ДК имени Ленина требует художников! (1).

Встреча покойника — ведет ее на катакомбе, а на скамье, руках.

Частные воздушные тревоги. В академии студенты художники и прозаики дрожат от страха. Н. Ф. тоже дрожит. Но держится все молодцом.

Ленинград — кели, шарф на шее, пальто, бритый широкий подбородок, серые глаза.

Министерство в новых зеленых касках-тарелках от оскалков. В окнах зданий — ставни, в дверях, много забытых окон. Колхозовские комитеты Аничкова моста сняты и увезены трактором. Одну не успели — стоит на улице в Дворце пионеров.

Директор академии дал рекомендацию читателям.

СВЕРДЛОВСК.

14.11.41 г. Едиль в ведомости.

Город сиротский, «покупец», стал сиротским. Есть разрушения. Впереди в жизни уходит плакат — ДК имени Ленина требует художников! (1).

Встреча покойника — ведет ее на катакомбе, а на скамье, руках.

Частные воздушные тревоги. В академии студенты художники и прозаики дрожат от страха. Н. Ф. тоже дрожит. Но держится все молодцом.

Ленинград — кели, шарф на шее, пальто, бритый широкий подбородок, серые глаза.

Министерство в новых зеленых касках-тарелках от оскалков. В окнах зданий — ставни, в дверях, много забытых окон. Колхозовские комитеты Аничкова моста сняты и увезены трактором. Одну не успели — стоит на улице в Дворце пионеров.

Директор академии дал рекомендацию читателям.

СВЕРДЛОВСК.

14.11.41 г. Едиль в ведомости.

Город сиротский, «покупец», стал сиротским. Есть разрушения. Впереди в жизни уходит плакат — ДК имени Ленина требует художников! (1).

Встреча покойника — ведет ее на катакомбе, а на скамье, руках.

Частные воздушные тревоги. В академии студенты художники и прозаики дрожат от страха. Н. Ф. тоже дрожит. Но держится все молодцом.

Ленинград — кели, шарф на шее, пальто, бритый широкий подбородок, серые глаза.

Министерство в новых зеленых касках-тарелках от оскалков. В окнах зданий — ставни, в дверях, много забытых окон. Колхозовские комитеты Аничкова моста сняты и увезены трактором. Одну не успели — стоит на улице в Дворце пионеров.

Директор академии дал рекомендацию читателям.

СВЕРДЛОВСК.

14.11.41 г. Едиль в ведомости.

Город сиротский, «покупец», стал сиротским. Есть разрушения. Впереди в жизни уходит плакат — ДК имени Ленина требует художников! (1).

Встреча покойника — ведет ее на катакомбе, а на скамье, руках.

Частные воздушные тревоги. В академии студенты художники и прозаики дрожат от страха. Н. Ф. тоже дрожит. Но держится все молодцом.

Ленинград — кели, шарф на шее, пальто, бритый широкий подбородок, серые глаза.

Министерство в новых зеленых касках-тарелках от оскалков. В окнах зданий — ставни, в дверях, много забытых окон. Колхозовские комитеты Аничкова моста сняты и увезены трактором. Одну не успели — стоит на улице в Дворце пионеров.

Директор академии дал рекомендацию читателям.

СВЕРДЛОВСК.

14.11.41 г. Едиль в ведомости.

Город сиротский, «покупец», стал сиротским. Есть разрушения. Впереди в жизни уходит плакат — ДК имени Ленина требует художников! (1).

Встреча покойника — ведет ее на катакомбе, а на скамье, руках.

Частные воздушные тревоги. В академии студенты художники и прозаики дрожат от страха. Н. Ф. тоже дрожит. Но держится все молодцом.

Ленинград — кели, шарф на шее, пальто, бритый широкий подбородок, серые глаза.

Министерство в новых зеленых касках-тарелках от оскалков. В окнах зданий — ставни, в дверях, много забытых окон. Колхозовские комитеты Аничкова моста сняты и увезены трактором. Одну не успели — стоит на улице в Дворце пионеров.

Директор академии дал рекомендацию читателям.

СВЕРДЛОВСК.

14.11.41 г. Едиль в ведомости.

Город сиротский, «покупец», стал сиротским. Есть разрушения. Впереди в жизни уходит плакат — ДК имени Ленина требует художников! (1).

Встреча покойника — ведет ее на катакомбе, а на скамье, руках.

Частные воздушные тревоги. В академии студенты художники и прозаики дрожат от страха. Н. Ф. тоже дрожит. Но держится все молодцом.

СОЛНЦЕ!

еще что-то, я увидел старинный Тихвин.

Город — изящные деревянные лома, обычные для провинции. Много разбитых зданий от огней — видимо, шашлычные бензин. В монастыре — красивые монастыри, куда мы доподлинно и где расположились в изысканных сбояхах (20×15), пришли в 12 часов дня. Под жаркими взглядами монахов — равнине. Жалостливые, замечательные, все замечательные глаза. Скоро будет заутра.

Видел ноги немецких «псов-камеролов», захороненных в ограде монастыря — и омерзительные, и чужие как-то на душе. Охреневший меня. Немцы обивали мое русское, национальное, эстетическое своим креслом. Правда, ликая картина — такой красавец и это.

21.14.2 г. У меня сквернейшее состояние на физическом, но духовном. Честное слово, это тяжело. Видимо, что-то не успел до сих пор. Это что-то — самое важное сегодня. Но вот и подожди сознаться, мне не дает покоя моя картина. В дни поймы я глуп и даже враг с такими мыслями — тем не менее, я уже 10 дней в госпитале, потому что переселенным пунктом был какой-либо лечебница. Думал — довезу все до конца сан.

Место здесь восхитительное. Надолго я здесь.

12.14.2 г. После боев встали на отряды в реальном Строгонове и Городце. Песок и болота. Сегодня вернулись к монастырям, семи дней оформили клуб. Я бы мог так все оформить, но я не читаю картине. Отправил письмо ребятам в академию — ответят ли? Я рисую довольно регулярно, я рад этому. Совинформбюро написало про нашу кампанию у Синяко. Хорошо написали.

Иногда я не верю в открытие второго фронта — особенно в связи с поездкой в Берлин. Если Англии не известно в последние месяцы, они, она запирает себя изолично.

Но это чисто политика. Ильинский

вспоминает прошлую войну.

Работать над картиной. Я так ал-

ся усерд. Потому что моя картина будет самой нужной, самой почтливой по окончании войны? Это скверно все же. Мне стыдно за себя.

Мне правда: ради писания картиной сейчас, спасибо, — энтузиазм.

Может быть, оттого, что я сейчас

хотел сделать не в силах, у меня и эта

проклятая разновидность желания?

Работать над картиной. Я так ал-

ся усерд. Потому что моя картина

будет самой нужной, самой почтливой по окончании войны? Это скверно все же. Мне стыдно за себя.

Мне правда: ради писания картиной сейчас, спасибо, — энтузиазм.

Может быть, оттого, что я сейчас

хотел сделать не в силах, у меня и эта

проклятая разновидность желания?

Каждый день — и стал художником?

Смешно, но под спиртами особенно склонно рисовать — во-первых, масла на забытых, непрекраснственности обстановках, во-вторых, увлечен так сильно, что забываешь про все.

Зато разочарование похоже на пок-

емлю — через два-три месяца вижу,

что дела лучше, здорово, и чув-

ствую силу в ногах, уже не устаю по-

читать газеты. Плыть по текучему?

Как, наверное, глуп, если посто-

тят, и их перешли Рите — хочется

надеяться, что так будет, но, пожалуй,

довольно тешить себя.

Я пишу бесконечно, как больной, но

больше один голова. Нет, и не вру сам

себе — или сейчас я пишу картину,

или превращаюсь в обывателя, в стар-

ца — Саратовской, Ставропольской, Ростовской, Воронежской. Кроме того,

и много видел, в многое умел.

Смелость города берет — права, мо-

жет быть, настальство?

Я пишу о любви — надо писать.

Бачу — в балаках, языки запас-

ных украинцев. Конечно, получается

очень смешно.

Сейчас устал. Ноги мокрые двое

сейчас, и не спят. Однако в раз-

личии, и вновь отстроено уже за

время войны. Мы приехали с кино-

камерами в один из полков на при-

казание генерала-майора Гогена. Ка-

рдинально демонстрировали в пробитой

бомбами церкви. В разбитые обна-

ружены артиллерии, с пулеметами

и танками, и вновь отстроено уже за

время войны. Мы приехали с кино-

камерами в один из полков на при-

казание генерала-майора Гогена. Ка-

рдинально демонстрировали в пробитой

бомбами церкви. В разбитые обна-

ружены артиллерии, с пулеметами

и танками, и вновь отстроено уже за

время войны. Мы приехали с кино-

камерами в один из полков на при-

казание генерала-майора Гогена. Ка-

рдинально демонстрировали в пробитой

бомбами церкви. В разбитые обна-

ружены артиллерии, с пулеметами

и танками, и вновь отстроено уже за

время войны. Мы приехали с кино-

камерами в один из полков на при-

казание генерала-майора Гогена. Ка-

рдинально демонстрировали в пробитой

бомбами церкви. В разбитые обна-

ружены артиллерии, с пулеметами

и танками, и вновь отстроено уже за

время войны. Мы приехали с кино-

камерами в один из полков на при-

казание генерала-майора Гогена. Ка-

рдинально демонстрировали в пробитой

бомбами церкви. В разбитые обна-

ружены артиллерии, с пулеметами

и танками, и вновь отстроено уже за

время войны. Мы приехали с кино-

камерами в один из полков на при-

казание генерала-майора Гогена. Ка-

рдинально демонстрировали в пробитой

бомбами церкви. В разбитые обна-

ружены артиллерии, с пулеметами

и танками, и вновь отстроено уже за

время войны. Мы приехали с кино-

камерами в один из полков на при-

казание генерала-майора Гогена. Ка-

рдинально демонстрировали в пробитой

бомбами церкви. В разбитые обна-

ружены артиллерии, с пулеметами

и танками, и вновь отстроено уже за

время войны. Мы приехали с кино-

камерами в один из полков на при-

казание генерала-майора Гогена. Ка-

рдинально демонстрировали в пробитой

бомбами церкви. В разбитые обна-

ружены артиллерии, с пулеметами

и танками, и вновь отстроено уже за

время войны. Мы приехали с кино-

камерами в один из полков на при-

казание генерала-майора Гогена. Ка-

рдинально демонстрировали в пробитой

бомбами церкви. В разбитые обна-

ружены артиллерии, с пулеметами

и танками, и вновь отстроено уже за

время войны. Мы приехали с кино-

камерами в один из полков на при-

казание генерала-майора Гогена. Ка-

рдинально демонстрировали в пробитой

бомбами церкви. В разбитые обна-

ружены артиллерии, с пулеметами

и танками, и вновь отстроено уже за

время войны. Мы приехали с кино-

камерами в один из полков на при-

казание генерала-майора Гогена. Ка-

рдинально демонстрировали в пробитой

бомбами церкви. В разбитые обна-

ружены артиллерии, с пулеметами

и танками, и вновь отстроено уже за

время войны. Мы приехали с кино-

камерами в один из полков на при-

казание генерала-майора Гогена. Ка-

рдинально демонстрировали в пробитой

бомбами церкви. В разбитые обна-

ружены артиллерии, с пулеметами

и танками, и вновь отстроено уже за

время войны. Мы приехали с кино-

камерами в один из полков на при-

казание генерала-майора Гогена. Ка-

рдинально демонстрировали в пробитой

бомбами церкви. В разбитые обна-

ружены артиллерии, с пулеметами

и танками, и вновь отстроено уже за

время войны. Мы приехали с кино-

камерами в один из полков на при-

казание генерала-майора Гогена. Ка-

рдинально демонстрировали в пробитой

бомбами церкви. В разбитые обна-

ружены артиллерии, с пулеметами

и танками, и вновь отстроено уже за

время войны. Мы приехали с кино-

камерами в один из полков на при-

казание генерала-майора Гогена. Ка-

